

Он был саркастичный и дружелюбный, а в нескольких нитях флиртовал со всем, что движется (включая Локи, закованного в цепи, избитого Халком или сгорбившегося в стеклянной клетке). Его, казалось, не волновало, какого пола объект его внимания - мужского или женского, или чужеродное сочетание и того, и другого, раз он вспыхивал этой своей самодовольной усмешкой и давал волю любым неуместным намекам, которые только приходили на ум этому странному гению.

Как много-много веков делал Локи, пока не научился молчать, скрывать свой насмешливый язык, а на обиды отвечать более острыми шутками.

Он гадал, будет ли Старк смеяться над его проделками. Оценит ли, как не оценивал никто в Асгарде, кроме Фригги, его шалости? Порадуют ли его паясничества и затеи Локи? Напугают ли? Он представил, как смертный смеется, теплые карие глаза блестят от удовольствия, едкая ухмылка светится ярче света, взгляд умный и понимающий, и сосредоточенный на одном лишь Локи.

Он царапнул головку члена большим пальцем, опустил его ниже, растирая на коже небольшие круги и приспуская с себя нижнее белье. Смертный обладал властью над ним; силой, которую он и так заметил даже без постоянного подталкивания Фригги, возникшего в последние недели. В большинстве нитей Старк делал что-нибудь, чтобы защитить Локи, чтобы остановить Локи от причинения вреда самому себе, от причинения вреда другим, вытягивал его с самого края смерти, с грани разумного. Невзирая на тот факт, что Локи был монстром, что сам Старк был слабым человеческим существом, которое умрет от легчайшего толчка или нажима, которое и так долго-то не проживет - хрупкое и непостоянное. Смертное.

И это приводило в ярость, потому что почти в каждой нити инженер, казалось бы, не хотел получить в ответ ничего (и Локи не думает, совсем-совсем, о той нити, когда в качестве вознаграждения Старк потребовал от Локи в течение года служить ему сексуальным рабом, нет, во имя Норн, он определенно не думает об этой нити). Обычно Старк просто стоял там, улыбался Локи с почти нежным вызовом в глазах и настаивал на том, что у Бога Шалостей обязательно есть что-то, ради чего стоит жить.

И Локи никак не мог понять, зачем герою из Мидгарда вообще переживать о спасении такого монстра, как он.

Он обхватил себя пальцами и начал толкаться в руку быстрыми и резкими движениями, все быстрее и быстрее. Кожа, сжимающая чувствительную плоть, была сухой и недостаточно скользкой.

Это была не просто плавность, с которой двигался смертный, когда снимал свой костюм; когда Локи наблюдал, как он наливает выпивку; не просто хищный взгляд, с которым в одной из нитей он склонился, чтобы поцеловать Локи; не просто спокойная сосредоточенность в глазах, когда он просто присел по другую сторону стеклянной камеры Локи и заговорил с богом. И Локи ни капли не ранило, что любопытный гений с этими темно-кариими глазами и каштановыми волосами был ему приятен, гений, который смотрел на Локи с постоянно тлеющей яростью в глазах, смотрел, словно Локи был задачей, которую необходимо решить,

кусочком головоломки, которую необходимо приладить на место.

Что за высокомерие! Думать, что он, жалкий смертный, смог бы разгадать Локи, смог бы найти и собрать то, что за тысячи лет разломалось на части из-за пренебрежения тех, кто должен был любить его, кто больше всего должен был о нем заботиться.

Он представил себе, на что было похоже пососать губу Старка, поцеловать, прикусить острую линию подбородка смертного, провести тропинку покусывающих поцелуев к загадочному голубому свету, к этому голубому предмету, который не смог пронзить скипетр, который помешал Локи наложить контроль на Человека из Железа.

И теперь он так сильно был ему за это благодарен. От одной только мысли о пылкой независимости смертного, о его колючих коричневых волосах, таких же кичливых, как и его слова, Локи громко ахнул и содрогнулся, когда его захлестнула волна болезненного удовольствия, а член брызнул в голой имитации удовольствия.

Он кончил, но оргазм принес с собой лишь пустоту.

Понимание, что он никогда, больше никогда не почувствует других прикосновений к своей коже, кроме собственных, приносило боль. И не имеет значения, во что верит Фригга - он умрет в этой камере, отрезанный и одинокий, забытый младший принц Асгарда. Монстр, оставленный обратиться в ничто в глубинах золотого царства.

Локи начисто вытер себя и поправил одежду, потом развеял иллюзию и повернулся к силовому полю спиной, позволяя себе расслабиться и выровнявая дыхание.

Да, Старк был обворожительным. И если Локи увидит этого человека только там, среди множества разнообразных нитей того, чему никогда не дано случиться, тогда он будет спать до тех пор, пока все тропы не выгорят в прах до одной единственной пряди, которую когда-то выбрали Судьбы.

Ему их всегда будет недостаточно.

<http://tl.rulate.ru/book/73541/2042005>